

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

М. О. Косвен. *Очерки истории первобытной культуры*. Академия наук СССР. Научно-популярная серия. М., 1957, 238 стр.

Рецензируемая книга является исправленным и дополненным переизданием работы, вышедшей первым изданием в 1953 г. Эта работа была встречена советским и зарубежным читателем с большим интересом. За короткий срок появились ее переводы на украинский, польский, китайский, румынский, немецкий и японский языки, глава из нее опубликована и в чешском переводе — в пражском журнале «Ceskoslovenska etnografie». Это обстоятельство, показывая прежде всего неослабевающий интерес широких кругов читателей к культурной преемственности человечества, в то же время свидетельствует и о внимании к разработке вопросов первобытной истории советской исторической наукой.

Книга М. О. Косвена охватывает культурную историю человеческого общества с момента его появления и до возникновения классов и государства. Рассматривая развитие культуры в самом широком аспекте, автор показывает ее отдельные факты и явления в связи с развитием самого человека, его хозяйства и общества. По сути дела, перед нами не очерки, а цельная, обобщающая работа по истории первобытного человечества, работа, значение которой особенно велико потому, что до настоящего времени советскими учеными не создано ни одного сколько-нибудь удовлетворительного учебного руководства в области первобытной истории. Не восполняя этого существенного пробела, рецензируемая книга может быть, однако, широко использована студентами исторических факультетов, школьными преподавателями, работниками музеев, пропагандистами.

Книга состоит из введения, девяти глав и заключения. Не ставя себе целью реферирование ее содержания, кратко познакомимся с этими разделами и прежде всего с тем, как отразились в них некоторые узловые вопросы истории первобытного общества.

Во введении автор останавливается на особенностях первобытно-общинной формации, ее хронологических рамках, источниках и основных вехах истории ее изучения. Особое место уделяется им периодизации истории первобытного общества. М. О. Косвен упоминает существующие периодизации (археологическую, «трехступенную», хозяйственную, моргановскую) и указывает, что современная советская наука, руководствуясь марксистско-ленинской концепцией исторического процесса, делит первобытную историю на эпохи первобытного стада, родового строя (распадающуюся, в свою очередь, на периоды матриархата и патриархата) и военной демократии. Такое членение единой первобытной формации на три основных этапа, соответствующих стадиям ее становления, расцвета и разложения, в настоящее время принято подавляющим большинством советских специалистов. Имеются, правда, отдельные попытки выделить эпоху первобытного стада в особую «предформацию» и тем самым начать историю первичной формации непосредственно с ее расцвета¹, однако эти взгляды не получили сколько-нибудь широкого признания и совершенно правильно не отражены М. О. Косвеном в его обобщающем труде. Более спорным остается вопрос о детализации этапов развития родового строя. Формулировка М. О. Косвена не учитывает того важного, на наш взгляд, факта, что переход от матриархата к патриархату отражал уже не расцвет, а разложение родового строя, что эпоха военной демократии была не началом, а последним, заключительным этапом этого разложения.

¹ См. Ю. И. Семенов, *Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества)*, «Ученые записки Красноярского института», т. VI, 1956, стр. 220 сл.

Первая глава книги посвящена начаткам культуры в обществе древнейших и древних людей — в первобытном стаде. Важнейшая особенность этой эпохи — незавершенность биологического и социального облика человека, поэтому автор много места уделяет процессу антропогенеза и развитию трудовой деятельности. Как мы полагаем, этот круг вопросов в последнее время был основательно запутан статьями А. Я. Брюсова и Б. Ф. Поршнева. Поэтому следует всячески приветствовать то обстоятельство, что в научно-популярном труде М. О. Косвена четко изложена энгельсова концепция антропогенеза, не поколебленная временем и остающаяся отправной точкой исследований почти всех советских историков первобытного общества.

Одним из дискуссионных вопросов начального этапа первобытной истории является вопрос о кровнородственной семье. Некоторые советские исследователи, как, например, А. П. Окладников и П. И. Борисковский, продолжают отстаивать закономерность существования этой формы семейно-брачных отношений. Между тем в работах А. М. Золотарева, С. А. Токарева, Д. А. Ольдерогге, Д. Д. Тумаркина выдвинута солидная аргументация, приводящая к противоположным выводам. М. О. Косвен, учитывая данные новейших исследований, занимает осторожную позицию. По-видимому, назрела настоятельная необходимость широкого обсуждения этой частной, но немаловажной проблемы истории первобытного брака.

Большая часть книги, главы 2—7, посвящена основной эпохе первобытной истории — эпохе родового строя. Эта часть вместе с тем является наиболее насыщенной фактическим материалом и наиболее интересной, так как наряду с молчаливыми данными археологии здесь широко привлечены красноречивые этнографические факты. Автор показывает, что родовой строй, с присущими ему началами прочного, осознанного коллективизма в трудовой деятельности и потреблении, сделался мощным фактором развития человеческой культуры. В ряде специальных глав детально характеризуется развитие техники (гл. 3), хозяйства (гл. 4—5), общества (гл. 6) и духовной культуры (гл. 7) на этой стадии первобытной истории. Не имея возможности последовать за автором во всех этих насыщенных фактическим материалом главах, мы ограничимся здесь рассмотрением некоторых узловых вопросов развития первобытного общества.

В главе о развитии первобытной техники М. О. Косвен уделяет большое внимание вопросу о технических изобретениях. В силу низкого уровня развития производительных сил вообще и ограниченности материала, в частности, орудия первобытного человека оставались элементарными и неразвитыми. Казалось бы, что те же ограничивающие условия должны были сказаться и на развитии оружия. Но здесь, указывая автор, особенно сильно действовал великий стимул жизни — добыча средств существования вместе с заботой о самозащите. Поэтому первобытное оружие — такое, как бумеранг, гарпун, лук, духовое ружье, — поражает богатством выдумки, граничащее с гениальностью. Поднятый М. О. Косвеном вопрос очень сложен и, на наш взгляд, требует дальнейшей разработки. В частности, очень трудно разграничить первобытные орудия и оружие с точки зрения их экономической роли: ведь в охотничьем хозяйстве именно лук или гарпун служили добытию средств существования и, следовательно, являлись орудиями. Скорее можно было бы сопоставлять орудия и орудия для производства орудий; как известно, последние оставались элементарными вплоть до эпохи капитализма, но в первобытном обществе их эффективность специфически ограничивалась характером идущего на их изготовление материала.

В связи с рассмотрением технических изобретений автор ставит вопрос о заимствованиях и конвергентном развитии и, критикуя распространенные в буржуазной этнографии теории аккумуляции, диффузии и завоевания, указывает, что «на самом деле изобретения, как и вообще все элементы культуры, возникали на основе развития производительных сил прежде всего совершенно самостоятельно в различных местах и в разное время» (стр. 61). Вместе с тем автор совершенно правильно отмечает, что культурные связи (разумеется, не в форме пассивного и одностороннего усвоения, а в форме перекрестного обмена культурными ценностями) являлись одним из важнейших условий прогресса. Нельзя не заметить, что этот важный вывод, к которому привел М. О. Косвена изучение первобытной культуры, остается правильным и для всей последующей культурной истории человечества; сегодня мы являемся свидетелями того, как сама жизнь толкает к нему десятки миллионов людей, задумывающихся о судьбах нашей цивилизации.

Содержательные разделы посвящены автором первобытному земледелию и скотоводству. Возникнув, по всей вероятности, из систематического собирательства, земледелие в его мотыжной форме стало основной отраслью производительной деятельности развитого родового общества. Автор показывает, что создателями культурных растений — как полифилетичных, так и монофилетичных по своему происхождению — были самые различные племена и народы. Древнейшие очаги пшеницы лежали в Азии, Северной Африке и Европе, ячменя — в Западной Азии, риса — в Индокитае, кукурузы и картофеля — в Америке, хлопка — в Азии и Америке и т. д. С потребностью в интенсификации обработки земли М. О. Косвен связывает и новое крупнейшее культурное завоевание человечества — приручение и одомашнивание животных. В книге подвергаются критике старые взгляды, согласно которым это достижение выводится из некоторых приемов охоты, «самоприручения» отдельных животных, религиозных побуждений и т. п. Но в то же время, отдавая должное сложности проблемы, автор подчеркивает

то в разных местах земного шара одомашнение происходило в различное время, при разных условиях и различно по отношению к разным видам животных.

Столь же продуманно и осторожно подходит автор к другому трудному вопросу первобытной истории — проблеме происхождения одежды. Односторонности теорий, универсальным образом приписывающих появление этого элемента культуры какому-нибудь одному фактору — защите от холода, стыдливости, стремлению украсить тело — пр., — М. О. Косвен противопоставляет необходимость комплексного подхода к вопросу. Ряд данных говорит о возникновении одежды прежде всего как средства асциты — от холода или жары, колочек или насекомых, но «в ряде случаев одежда имеет и другие источники, привходящие и присоединяющиеся в процессе развития общества и развития самой одежды» (стр. 104).

Особый интерес представляет шестая глава книги, отражающая фундаментальные исследования самого М. О. Косвена в области родового строя и в первую очередь — проблемы матриархата. Здесь прежде всего привлекает внимание уточненная трактовка матриархальной эпохи, данная автором уже в первом издании рецензируемой книги и полностью сохраненная в настоящем издании. Различие в уровне хозяйственного, общественного и идеологического развития известных этнографии матриархальных обществ дало автору основания различать ранний матриархат, являющийся универсальной стадией развития человечества, и развитый матриархат, реконструируемый на основе исторического прошлого ирокезов, наярров, минангкабау, ашанти, додинастических египтян и ряда других народов. Не во всяком, а именно в развитом, матриархате «сказывается ряд черт его перерастания в такой строй, в котором господство принадлежит женщине за счет некоторого приниженного положения мужчины» (стр. 129). Эта дифференциация не только существенно уточняет наше понимание первобытной истории, но и — хочется это особо подчеркнуть — лишает сторонников концепции многолинейного развития человеческого общества возможность оспаривать универсальность матриархата ссылками на сравнительно ограниченное распространение его развитых форм. В то же время нам думается, что дальнейшие исследования в области проблемы матриархата дадут возможность четче отграничить те его поздние, высокоразвитые формы, в которых господство женщин, так же как и господство мужчин при развитом патриархате, отражает уже разложение начал первобытной демократии и сложение классового общества.

Очень ценны, на наш взгляд, выводы, к которым привело автора исследование структуры патриархального рода. М. О. Косвен показывает, что разделы больших патриархальных семей, на данной стадии развития, как правило, неполные, приводят к образованию тесных внутриродовых коллективов — патронимий, совокупность которых и образует патриархальный род. За десятилетия, прошедшее с тех пор, как М. О. Косвен впервые привлек внимание к исследованию патронимии, последняя изучена у ряда народов СССР и некоторых зарубежных народов, в результате чего внесено больше ясности в экономическую, общественную и идеологическую жизнь патриархально-родового общества.

Нельзя в то же время не отметить, что открывающий главу раздел о возникновении родового строя оставляет чувство неудовлетворенности. Замечая, что вопрос о возникновении рода «не поддается приемлемому объяснению» (стр. 120), М. О. Косвен резко отступает от принятого им в других главах принципа и даже не упоминает об имеющихся на этот счет старых и новых гипотезах. Между тем некоторые из этих гипотез (в частности, «биологическая» теория Моргана и «производственная» теория С. П. Толстова) нашли отражение в научно-популярной литературе² и, несомненно, известны значительному кругу читателей, которые вправе были ожидать от автора более развернутой оценки состояния вопроса.

Интересна седьмая глава книги, в которой автор характеризует духовную культуру человека эпохи родового строя. Рассказывая о его мышлении и языке, положительных знаниях и системе воспитания, религии и искусстве, празднествах и украшениях, М. О. Косвен, как и в предыдущих главах, стремится широко осветить культурные достижения первобытности. При всей ограниченности мышления и опыта первобытного человека он обладал по-своему солидным запасом положительных знаний в природоведении, анатомии, врачевании, создал реалистический рисунок и скульптуру, пришел к первым формам письменного сообщения — пиктографии. Автор критикует теорию Леви-Брюля и, основываясь на ленинской концепции происхождения религии, убедительно показывает, что фантастично было не человеческое мышление в целом, а лишь тот ряд представлений, который был порожден незнанием, неумением найти реалистическое объяснение явлениям, выходящим за рамки положительного опыта.

Заключительные главы (8—9) посвящены распаду первобытнообщинного строя. Эта тема рассматривается автором в самом сжатом виде, но с большой четкостью. Развивая положения марксистско-ленинской теории, прежде всего бессмертной книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», М. О. Косвен привлекает для подтверждения их ценный фактический материал. Ряд тезисов автора (в частности, об историческом превращении большой семьи, о сущности кровной мести и системы выкупов) непосредственно основан на результатах его прежних специальных

² См., например, П. И. Борисковский, Древнейшее прошлое человечества. Академия наук СССР. Научно-популярная серия, М., 1957, стр. 196.

исследований. Особый интерес для истории культуры представляет небольшой раздел, посвященный сложению народностей, где автор, говоря о предпосылках этого процесса — смешении и ассимиляции, а порой также массовых передвижениях племен, — снова подчеркивает значение культурных взаимовлияний и в связи с этим показывает древнейшие корни прогресса и отсталости в культурном развитии отдельных групп человечества.

Как уже отмечалось, от первого издания книги настоящее переиздание отличается рядом исправлений и добавлений. Как научно-популярная публикация, книга в значительной мере выиграла, будучи снабжена удачно подобранными иллюстрациями и краткой библиографией работ по истории первобытного общества. М. О. Косвен посетовался с появившимися в советской печати рецензиями на его работу, внес в нее отдельные поправки и уточнения. Правда, и теперь многое в рецензируемой книге остается спорным, и ряд положений разделяется не всеми советскими специалистами. Но это, разумеется, не может быть поставлено автору в вину. «Первобытная история», — справедливо замечает М. О. Косвен в предисловии к «Очеркам», — является отраслью знания, еще далеко не сложившейся, в ней еще много неясного и неисследованного, много условных допущений, гипотез, спорных вопросов и положений. Я не мог взять на себя задачи исследовать все неисследованное, устранить все условности, разрешить все споры» (стр. 3). Важно отметить, что автор несомненно справился с главной задачей своей работы: отобрать наиболее достоверные факты первобытной истории и, поместив их в исторические рамки, обобщив и систематизировав, дать суммарную характеристику развития первобытного общества. Вместе с тем — и это представляется нам не менее важным — книга М. О. Косвена заставляет читателя задуматься над трудными вопросами первобытности, пробуждает в нем интерес к древнейшему прошлому человечества.

А. Першин

А. П. Быстров. *Прошлое, настоящее, будущее человека*, Л., 1957, 313 стр.

Книга открывается обширным введением, в котором автор излагает содержание процесса эволюции, подробно останавливается на факторах эволюции, иллюстрирует их действие многочисленными и яркими примерами. Значительное место во введении занимает критика «исправлений» и «дополнений» к учению Ч. Дарвина о факторах эволюции, в частности теории «инерции» Л. Додерлейна и О. Абеля, «ортогенеза» Т. Эймера, «номогенеза» Л. С. Берга и др.

Часть первая — «Прошлое» — самая большая, занимает две трети книги и состоит из шести глав. В первых пяти главах (I — «Бесчелюстные позвоночные», II — «Челюстные позвоночные», III — «Наземные позвоночные», IV — «Рептилии», V — «Млекопитающие») подробно излагается эволюция позвоночных. На огромном палеонтологическом материале, значительную часть которого составляют собственные исследования автора, А. П. Быстров показывает читателю, как происходило формирование позвоночника, черепа и его отдельных костей, поясов конечностей и их отделов. Много внимания уделяется образованию и развитию зубной системы. Материал хорошо увязан с геологической периодизацией. Автор останавливается на климатических условиях разных периодов, на образе жизни, питании, размножении животных. Описание отдельных палеонтологических находок не отвлекает автора от основной цели — показать за стройной системы эволюционного развития от низкоорганизованных форм к более высокоорганизованным. Вместе с тем автор не упрощает картины развития, не сводит его к примитивной схеме, а показывает, что это был исключительно сложный и длительный процесс, протекавший в жесточайшей борьбе за существование, за лучшее приспособление к новым условиям жизни. Этому много способствует применение метода функционального описания, широкого использования данных сравнительной анатомии и эмбриологии. Таким образом, рассмотренное в первых пяти главах представляет большой интерес для специалистов — анатомов, палеонтологов, зоологов. Однако трудно согласиться с автором, что этот материал, охватывающий период развития позвоночных от бесчелюстных до млекопитающих, может рассматриваться как прошлое человека, даже если подходить к нему с точки зрения морфолога. Конечно, никто не сомневается в том, что эволюционный путь древнейших животных предков человека прошел через описанные примитивные формы, но ведь это был общий путь для всех млекопитающих!

В этом смысле первые пять глав книги могли бы быть безо всякого изменения названы прошлым любого млекопитающего, начиная от мыши и кончая слоном. С другой стороны, самые примитивные позвоночные не могли бы появиться, если бы их предки не прошли длительный путь развития, начинающийся с возникновения живой клетки. Почему же тогда ограничивать начало прошлого человека с бесчелюстных позвоночных? Почему не начать его с возникновения жизни на земле?

Правомомерность сказанного может быть подтверждена словами самого автора, начинающего главу VI — «Обезьяны и человек» следующей фразой: «Филогенетиче-